

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-4-472-484

EDN: FRBTRV

Научная статья / Research article

Интеграция иммигрантов: опыт государственного регулирования в странах Северной Европы

В. Бутенко^{1, 2} , А.И. Чекмазов³

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия

²Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия

³Независимый исследователь, Москва, Россия

 vladislav_butenko@list.ru

Аннотация. Эффективность политик интеграции иммигрантов остается актуальным в академической литературе и политической практике вопросом, затрагивающим аспекты поиска баланса между обеспечением высокого уровня социальных гарантий иммигрантам, с одной стороны, и экономической стабильности государств всеобщего благоденствия — с другой. Импульс данному вопросу придал миграционный кризис 2015–2016 гг., продемонстрировавший неспособность Европейского Союза оперативно выработать подходящие управленческие стратегии по приему, размещению и интеграции вновь прибывающих. Цель исследования заключается в анализе моделей и подходов к интеграции иммигрантов. Авторы, используя компаративистскую методологию, утверждают, что традиционные модели ассимиляции и мультикультурализма утратили свою релевантность, а им на смену пришла модель гражданской интеграции как ответ на вызовы, с которыми столкнулись государства Северной Европы в результате миграционного кризиса. Адаптация к современным проблемам, связанным с усилением миграционных потоков в страны Северной Европы, знаменует собой «гражданский поворот» в политиках интеграции иммигрантов. Проведенный анализ государственного регулирования в области интеграции иммигрантов в Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции свидетельствует об общих трендах, обусловленных в первую очередь логикой экономической целесообразности. Это позволяет авторам сделать вывод о конвергенции политик интеграции иммигрантов, что качественно отличает текущее положение дел от периода с 1970-х гг. и до миграционного кризиса, когда политики рассматриваемых государств характеризовались разнонаправленностью.

Ключевые слова: политика интеграции иммигрантов, политика натурализации, гражданская интеграция, гражданский поворот, Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции обзора, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бутенко В., Чекмазов А.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Поступила в редакцию: 09.10.2024. Принята к публикации: 14.12.2024.

Для цитирования:

Бутенко В., Чекмазов А.И. Интеграция иммигрантов: опыт государственного регулирования в странах Северной Европы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 4. С. 472–484. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-472-484>

Nordic countries' practices of state regulation of immigrant integration

Vladislav Butenko^{1,2} , Aleksei Chekmazov³

¹National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

²The Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation

³Independent researcher, Moscow, Russian Federation

 vladislav_butenko@list.ru

Abstract. The effectiveness of immigrant integration policies remains a topical issue in academic literature and political practices. This issue touches upon aspects of finding a balance between ensuring a high level of social guarantees for immigrants, on the one hand, and the economic stability of welfare states, on the other. The impetus was given by the 2015–2016 migration crisis, which demonstrated the inability of the European Union to promptly develop appropriate management strategies for the reception, accommodation, and integration of new arrivals. The aim of this study is to analyze the models and approaches to immigrant integration. Using comparative methodology, the authors argue that traditional models of assimilation and multiculturalism have lost their relevance and have been replaced by the model of civic integration as a response to the challenges faced by the Nordic countries as a result of the migration crisis. Adaptation to modern problems associated with the intensification of migration flows to the Nordic countries marks a “civic turn” in immigrant integration policies. The conducted analysis of state regulation in the field of immigrant integration in Denmark, Iceland, Norway, Finland, and Sweden shows common trends, determined primarily by the logic of economic expediency. This allows the authors to conclude that immigrant integration policies are converging, which qualitatively distinguishes the current state of affairs from the period from the 1970s to the migration crisis, when the policies of the Northern European countries were characterized by multidirectionality.

Keywords: immigrant integration policy, naturalization policy, civic integration, civic turn, Denmark, Finland, Iceland, Norway, Sweden

Contribution. All the authors participated in the development of the concept, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 09.10.2024. The article was accepted on 14.12.2024.

For citation:

Butenko V., Chekmazov A. Nordic countries' practices of state regulation of immigrant integration. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(4):472–484. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-472-484>

Введение

Миграция представляет собой один из наиболее обсуждаемых вопросов в академическом и политическом дискурсах. С одной стороны, усиление миграционных потоков, обусловленное в первую очередь глобализационными тенденциями, способствует экономическому развитию принимающей страны, удовлетворяя потребности в рабочей силе. С другой стороны, увеличение числа иммигрантов создает дополнительное напряжение в обществе, провоцируя неравенство и социальные конфликты ввиду различий в ценностном измерении.

Ключевым для национальных государств остается вопрос интеграции иммигрантов. Многообразие существующих — не лишенных недостатков — подходов к включению в общество иностранных граждан детерминирует поиск наиболее эффективных стратегий.

Цель исследования состоит в изучении опыта североевропейских государств в области интеграции иммигрантов и выявлении общих региональных трендов. Выборка включает в себя Данию, Исландию, Норвегию, Финляндию и Швецию, для которых в скандинавской литературе используется термин Norden, а в англоязычной — Nordic countries. Все перечисленные страны, в соответствии с классификацией Г. Эспинга-Андерсена, являются социал-демократическими государствами всеобщего благоденствия, для которых характерны ведущая роль государства как поставщика социальных услуг, институционализированные социальные права, всеобщий доступ к благам, низкий уровень социальной стратификации населения и безработицы [1]. Учитывая высокую степень декоммодификации¹, эти государства сталкиваются с «прогрессивной дилеммой», актуализирующей необходимость поиска баланса между щедрой политикой социального обеспечения и усилившимся притоком иммигрантов.

Интеграция иммигрантов: множественность определений понятия

В академической литературе отсутствует единое определение понятия «интеграция иммигрантов». Как подмечает Р.Д. Грилло, интеграция — это «нечеткое понятие, имеющее множество интерпретаций» [2. Р. 266]. Данное положение дел обусловлено многосторонним характером изучаемого процесса, а также различиями в теоретико-методологических подходах социальных и гуманитарных наук (экономики, политологии, социологии, демографии, антропологии и др.).

В самом широком виде термин «интеграция» означает процесс или состояние, при котором его отдельные элементы образуют гармоничное и скоординированное функциональное целое. В. Босвик и Ф. Хекман выделяют

¹ Под декоммодификацией понимается степень, в которой государства всеобщего благоденствия ограничивают роль рынка как механизма, обеспечивающего доступ граждан к социальным благам, и берут на себя часть социальных функций [1. Р. 43].

три значения процесса интеграции: (1) процесс соединения определенных отдельных элементов вместе, благодаря чему создается новая структура; (2) добавление отдельных элементов к уже существующей структуре; (3) сохранение или улучшение отношений, возникающих в структурах общества или его системе [3. Р. 9].

В классическом понимании интеграция иммигрантов представляет собой двусторонний процесс. Так, С.В. Рязанцев под интеграцией понимает «двусторонний процесс вхождения людей, совершивших миграцию, в новое общество» [4. С. 303]. Более широкое определение приводит Е.А. Варшавер: «[и]нтеграция — это длительный межпоколенческий процесс включения мигрантов в систему основных социальных институтов, отношений и статусов принимающего сообщества ... процесс взаимодействия между мигрантами и местным населением: принимающее сообщество также осваивает способы общения с приезжими и адаптирует свои институты к их нуждам» [5. С. 7]. Таким образом, подразумевается, что в процессе интеграции задействованы как минимум две целевые группы — иммигранты и принимающее общество.

Ряд исследователей отходит от «традиционной» трактовки интеграции как двустороннего процесса и изучает данный процесс как трехсторонний. Так, Б. Гарсес-Маскареньяс и Р. Пеннинкс, помимо иммигрантов и принимающего сообщества, относят к субъектам интеграции страну происхождения [6. Р. 3]. Еще более широкую трактовку трехстороннего подхода презентует Э. Дикиджи, выделяя следующие группы субъектов, участвующие в интеграции: иммигранты, принимающие страны и транснациональные субъекты (страны происхождения, наднациональные объединения, негосударственные сети и др.) [7]. Однако, по мнению авторов, ввиду сохраняющейся роли государства в регулировании миграционных вопросов, данное понимание интеграции иммигрантов является слишком широким.

Невзирая на многообразие трактовок понятия «интеграция», их объединяет понимание данного процесса как динамичного явления, в связи с чем под интеграцией следует рассматривать процесс включения иммигрантов в политическую, экономическую, социальную и культурную сферы жизни принимающего общества.

Кроме обозначенных подходов к интеграции иммигрантов, следует указать и группу авторов, критикующих концепцию интеграции за излишнюю нормативность [8; 9]. Такие нормативные ожидания были воплощены в ассимиляции и мультикультурализме как двух противоположных моделях интеграции.

Ассимиляция

Ассимиляция представляет собой подход, при котором иммигранты перенимают основные нормы, ценности и культуру принимающего общества, «растворяясь» при этом в нем. Таким образом, в основе данного подхода лежит обозначение различий между иммигрантами и принимающим их обществом.

В 1960-х гг. М. Гордон, опираясь на научные изыскания Р. Парка, разработал теорию линейной ассимиляции. Ассимиляция определялась как естественный, неизбежный и постепенный процесс, состоящий из семи последовательных стадий, которые по очереди проходятся иммигрантами и их потомками: культурная (аккультурация), структурная, супружеская (амальгамация), идентификационная, ценностная, поведенческая, гражданская [10]. М. Гордон львиную долю внимания уделял первым двум стадиям — аккультурации² и структурной ассимиляции³. При этом он отмечал, что каждая стадия может длиться разное количество времени. Теория линейной ассимиляции была подвержена критике за статичное представление об ассимиляции и неспособность провести различие между ассимиляцией индивида и группы [11].

Р.Д. Альба и В. Ни усовершенствовали теорию М. Гордона, в связи с чем их концепция получила наименование «новой теории ассимиляции» [12]. Они отдают приоритет социально-экономической интеграции над социокультурной, поскольку первая рассматривается в качестве необходимой как для иммигрантов, так и для местных жителей, в то время как вторая подлежит обсуждению.

Концепции ассимиляции схожи в понимании предоставления прав иммигрантам. Ожидается, что вновь прибывшие предпринимают усилия по включению в принимающее общество, а венцом процесса интеграции, знаменующим конечную его точку, является гражданство. Таким образом, права выступают наградой за достижения в интеграции.

Несмотря на то что концепции ассимиляции имеют долгую историю, сегодня они критикуются за излишние требования к иммигрантам, особенно в части полного отказа от культурной или этнической идентичности, а также (в некоторых случаях) за принудительный характер.

Мультикультурализм

Процесс глобализации, способствовавший усилению миграционных потоков и, как следствие, формированию множественных идентичностей [13], обусловил культурное многообразие во многих странах мира, включая даже те, которые ранее считались этнически гомогенными. Ответом на ограничительные концепции ассимиляции стал мультикультурализм.

Двумя основными принципами мультикультурализма являются признание права иммигрантов на сохранение своей культурной самобытности и принятие государством обязательства по созданию условий, способствующих равному политическому, экономическому и социальному участию всех членов общества независимо от культурных различий. Вместе с тем Т. Модуд

² Аккультурация (культурная ассимиляция) — принятие норм, ценностей и обычаев принимающего общества.

³ Структурная ассимиляция — включение иммигрантов в институты общества.

утверждает, что при мультикультурализме «различия не устраняются, не стираются, а в некоторой степени признаются» [14. Р. 36].

В отличие от модели ассимиляции, мультикультурализм рассматривает иммигрантов как людей с потенциалом и внутренней мотивацией принимать участие в жизни общества наравне с местным населением. При этом эта обязанность лежит прежде всего на принимающем обществе. Государственная политика при этом характеризуется как структуры возможностей, которые предоставляют «материальные и символические ресурсы, способствующие политической инкорпорации» иммигрантов [15. Р. 9]. Следовательно, права — не награда, а ресурс для интеграции. А лишение иммигрантов прав создает барьеры, ведущие к их изоляции и уменьшению возможностей.

Мультикультурализм пренебрегает необходимостью включения иммигрантов в общество из-за своего акцента на учете культурного разнообразия, затрудняя поиск «баланса между управляемостью и многообразием» [16. Р. 150]. Нередко, как показывает опыт ряда государств, применяющих мультикультурную модель, это приводит к противоречиям между разными общинами, а также общинами и местным населением. Так, в Великобритании и Нидерландах в связи с отсутствием комплексных мер по включению иммигрантов в сферу занятости появились этнические анклавные территории со своими собственными школами, магазинами и т.п.

Теракты в США и ряде стран Европы спровоцировали усиление негативных дискурсивных практик в отношении мультикультурной политики, понимая при этом вопросы обеспечения государственной безопасности, сохранения национальной идентичности и поддержания социально-экономической стабильности. Триггером к поиску альтернативной модели интеграции иммигрантов послужил европейский миграционный кризис 2015–2016 гг., который произошел на фоне ослабления европейской экономики.

Гражданская интеграция

Усиление крайне правых партий в европейских странах на фоне увеличения миграционных потоков, а также необходимость отказа от дихотомии «ассимиляция — мультикультурализм» способствовали «гражданскому повороту» и выработке модели гражданской интеграции. Под «гражданским поворотом» (*civic turn*) понимается парадигмальное изменение в политике интеграции иммигрантов, направленное на социализацию иммигрантов и предоставление впоследствии им правового статуса гражданина или резидента посредством прохождения языковых курсов, курсов по истории и культуре, необходимых для натурализации [17].

Гражданская интеграция, таким образом, предусматривает изучение иммигрантами языка и культуры страны проживания. Такие требования, по мнению теоретиков, способствуют улучшению социально-экономической интеграции иммигрантов [18]. Успешность прохождения языковых курсов и курсов по истории и культуре принимающего общества предопределяет

возможность натурализации в стране проживания. Следовательно, гражданство выступает как «награда», а не «стимул» к интеграции.

Какие черты лежат в основе модели гражданской интеграции? Во-первых, инклюзивность: интеграция поощряется вне зависимости от этнического происхождения или религиозных предпочтений. Во-вторых, активное участие: бремя по интеграции ложится на иммигранта. В-третьих, социальная сплоченность: сведение к минимуму разногласий и напряженности в обществе, воспитание чувства принадлежности к нему.

Как отмечают Э. Геддес, Л. Хадж Абду и Л. Брумат, «гражданская интеграция фактически является для многих стран первой последовательной национальной политикой интеграции иммигрантов» [19. Р. 157]. Несмотря на то что стратегии гражданской интеграции в европейских странах разнятся, необходимо выделить их общие черты: (1) заключение обязательных договоров об интеграции с иммигрантами, которые просят вид на жительство или подают заявление на получение гражданства; (2) сдача выпускного экзамена; (3) обязательное участие в языковых курсах и/или курсах об обществе и национальной истории; (4) почти полное освобождение высококвалифицированных и временных иммигрантов от программ гражданской интеграции.

Особая роль в модели гражданской интеграции отводится государству. Государства очерчивают нормативно-правовые рамки интеграции, в частности разрабатывают программы языковых курсов и курсов по истории и культуре. Более того, органы государственной власти (иногда — органы местного самоуправления) несут ответственность за внедрение в жизнь закрепленных на законодательном уровне политик. Важная роль государства заключается и в финансировании программ гражданской интеграции, поскольку предоставление адекватных ресурсов имеет решающее значение для обеспечения иммигрантов доступом к инструментам и возможностям, необходимым для успешной интеграции.

Помимо прочего, для эффективного содействия гражданской интеграции правительства устанавливают тесную связь с общественными и религиозными организациями, работодателями для оказания всесторонней поддержки и предоставления ресурсов иммигрантам. Порой правительства взаимодействуют с организациями иммигрантов, как это имеет место в Швеции [20].

Модель гражданской интеграции тем не менее не лишена недостатков. Так, политика гражданской интеграции приводит к «расслоению» иммигрантского населения в принимающих обществах [21. С. 133–134]. В частности, усиливается разрыв между низкоквалифицированными и высококвалифицированными иммигрантами. Политика гражданской интеграции приводит к исключению определенных категорий иммигрантов, в первую очередь самых бедных и наименее образованных. Однако такое положение дел вполне коррелирует с необходимостью европейских государств снизить финансовую нагрузку на государственные бюджеты. Именно трудоустройство, т.е. интеграция на рынке труда, является ключевой целью гражданской интеграции.

«Гражданский поворот» в политиках интеграции иммигрантов (на примере политики натурализации)

Воплощение в жизнь модели гражданской интеграции находит отражение в европейских политиках интеграции иммигрантов. Если ранее в академической литературе речь шла о национальных моделях интеграции [22; 23], то сегодня наблюдается их конвергенция⁴. Это обусловлено «провалом мультикультурализма», усилением роли крайне правых и популистских партий в странах Европы, а также секьюритизацией миграции. Кроме того, в странах Северной и Западной Европы наблюдается тенденция смещения фокуса внимания от политики интеграции, ориентированной на группы, к политике, направленной на отдельных иммигрантов. Все вышеизложенное обуславливает необходимость изучения «гражданского поворота» на конкретных примерах. В качестве кейсов в данном исследовании выбраны Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция.

Преыдущие исследования, рассматривавшие политики интеграции иммигрантов в Северной Европе, размещали страны на разрешительно-ограничительной шкале [25; 26]. Из всего набора политик интеграции мы уделили внимание политике натурализации, т.е. политике предоставления гражданства иммигрантам. Необходимость обращения к натурализации обусловлена тем, что гражданство, с одной стороны, определяет формальный статус индивида, закрепляя за ним права и обязанности, а с другой — символизирует принадлежность к политической нации, устанавливая связь между индивидом и государством. Натурализация выступает частью более широких государственных стратегий интеграции иммигрантов. Причем если одни государства рассматривают гражданство как «стимул», то другие видят в нем «награду». Так, до европейского миграционного кризиса датская политика натурализации характеризовалась как наиболее ограничительная, поскольку получение гражданства рассматривалось в качестве «награды» за «успешную» интеграцию иммигрантов в датское общество. В свою очередь шведская политика натурализации относилась к наиболее разрешительным, т.е. предоставление гражданства иммигрантам в начале процесса интеграции в шведское общество рассматривалось как «стимул».

Натурализация в **Дании** представляет собой сложный бюрократический процесс. Причем введение дополнительных требований происходило постепенно. В 2002 г. был увеличен период проживания на территории страны для получения гражданства, а также было введено требование о знании датского языка. В 2006 г. обязанностью иммигранта стало финансовое самообеспечение.

Реперной точкой стал миграционный кризис 2015–2016 гг., способствовавший введению дополнительных рестрикций. На сегодняшний день

⁴ Под конвергенцией понимается как «любое увеличение сходства между одной или несколькими характеристиками определенной политики (policy) в определенном наборе юрисдикций в течение определенного периода времени» [24].

заявителю необходимо проживать на территории страны не менее девяти лет, сдать тест на владение языком (на уровне B2) и тест на гражданство. Причем тест на гражданство включает в себя вопросы на знание основ датской культуры, истории и общества с множественным выбором. Еще одним условием для получения датского гражданства является финансовая самодостаточность, подтверждаемая полной трудовой занятостью на протяжении трех с половиной лет (30 часов в неделю или более) за последние четыре года. Кроме того, условием, исключающим возможность получения гражданства Дании, выступает судимость [27. С. 104].

В отличие от других североевропейских стран, **Исландия** лишь в 2007 г. приняла четкую программу интеграции иммигрантов, базовыми компонентами которой были обозначены демократия, права человека, социальная ответственность и индивидуальная свобода.

Иммигранты, проживающие в Исландии, могут претендовать на получение гражданства в случае, если они прожили в стране не менее семи лет, а также сдали тест на владение исландским языком. Язык для малочисленного исландского общества выступает отражением ценностей и культуры жителей страны, а для иммигрантов — инструментом скорейшей интеграции в общество в целом и на рынке труда в частности. В связи с этим правительство активно проводит языковую подготовку иммигрантов. Если ранее для получения вида на жительство и разрешения на работу языковые компетенции были обязательны только для граждан Европейской экономической зоны и Европейской ассоциации свободной торговли, то в настоящее время такие требования предъявляются и к выходцам из других регионов мира. Несмотря на то, что государство выдвигает подобного рода требования, языковые курсы оплачиваются самими участниками, за исключением безработных и недавно прибывших беженцев [28. Р. 21].

В **Норвегии**, с 1980-х гг. занимавшей промежуточную позицию между крайностями разрешительной и ограничительной политики, также наблюдаются изменения относительно натурализации. В 2017 г. в стране были внедрены требования по сдаче тестов на знание языка⁵, истории, культуры и общества для получения вида на жительство и гражданства. Тогда же было введено требование к доходу для постоянного проживания, апеллируя к тому, что «крайне важно, чтобы иммиграционные правила поощряли людей получать образование и устраиваться на работу, а не пассивно получать пособия по социальному обеспечению»⁶. Причем, невзирая на критику со стороны общественных организаций, требования относительно самообеспечения применяются и в отношении беженцев. Кроме того, изменения коснулись и продолжительности проживания на территории страны для беженцев, желающих

⁵ С 1 октября 2022 г. были увеличены требования к знанию норвежского языка на уровне B1 (ранее — A2).

⁶ Høringsnotat — endringer i utlendingslovgivningen (Innstramminger II). Regjeringen. 29.12.2015. URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/horing--endringer-i-utlendingslovgivningen-innstramminger-ii/id2469054> (accessed: 11.10.2024).

получить статус гражданина Норвегии: для них и членов их семей срок был увеличен с трех до пяти лет. В рамках символического акта иммигранты для получения гражданства приглашаются на церемонию, на которой приносят присягу на верность норвежскому государству [29. Р. 2628].

Финляндия, наряду с Исландией, до 1980-х гг. была страной чистой эмиграции, в отличие от скандинавских соседей [30]. Политика интеграции иммигрантов в Финляндии зиждется на концепции «активного гражданина» — иммигранта, не зависящего от государства всеобщего благоденствия и принимающего активное участие в общественных институтах и на рынке труда [31. Р. 847]. Однако демографические изменения, а также внешний контекст заставили Финляндию ужесточить требования к получению гражданства. Согласно предложениям, разработанным Министерством внутренних дел и одобренным парламентом, с 1 октября 2024 г. период проживания на территории Финляндии для получения гражданства увеличивается с пяти до восьми лет. Причем при расчете периода проживания будет учитываться только проживание по виду на жительство⁷. Вместе с тем представленные нововведения являются частью плана действий, презентованного Министерством внутренних дел: правительство планирует представить в парламент еще два пакета изменений, касающихся поднятия уровня финансовой самодостаточности и введения теста на гражданство. Нововведения планируются к представлению осенью 2024 г. и весной 2025 г. соответственно.

В отличие от Дании и Норвегии, где вопрос интеграции иммигрантов был политизирован [33], **Швеция** с 1970-х гг. проводила одну из самых разрешительных политик интеграции в Европе, делая акцент на правах вновь прибывших. Основным требованием для получения шведского гражданства было проживание на территории страны на протяжении пяти лет. Это способствовало тому, что более 80 % иммигрантов в течение 20 лет после прибытия в Швецию смогли натурализоваться [33. Р. 757]. Триггером для пересмотра политики натурализации послужил миграционный кризис, поставивший под сомнение шведскую модель ввиду дороговизны и сомнительных успехов по интеграции иммигрантов. В частности, в политический дискурс все чаще включаются идеи о необходимости сдачи теста на владение шведским языком на уровне A2 для получения как гражданства, так и постоянного вида на жительство. Правительство Швеции также подчеркивает потребность в сдаче тестов на знание шведской культуры и общества⁸.

Все изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что в странах Северной Европы наблюдается «поворот» в сторону более жестких требований к иммигрантам в части натурализации. Подобное изменение символизирует парадигмальный сдвиг в политиках интеграции

⁷ Reform of the Citizenship Act. Ministry of the Interior, Finland. URL: <https://intermin.fi/en/projects/reform-of-the-citizenship-act> (accessed: 11.10.2024).

⁸ More stringent requirements for Swedish citizenship. Government of Sweden. 19.09.2023. URL: <https://www.government.se/press-releases/2023/09/more-stringent-requirements-for-swedish-citizenship> (accessed: 11.10.2024).

иммигрантов — «гражданский поворот», обусловленный в первую очередь экономической целесообразностью.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что доминировавшие ранее модели ассимиляции и мультикультурализма исчерпали свой потенциал. Традиционные стратегии более не релевантны для решения сложных вопросов, возникающих в полиэтнических обществах, что заставляет государства Северной Европы пересматривать собственные политики интеграции иммигрантов.

На смену ассимиляции и мультикультурализму, доказавшим свою неэффективность на практике, приходит гражданская интеграция, направленная в первую очередь на трудовую занятость иммигрантов. Модель гражданской интеграции призвана снизить финансовую нагрузку на экономику государств путем отбора иммигрантов, готовых выполнять требования по интеграции (например, сдача тестов на знание языка, культуры принимающего общества). Таким образом, применение модели гражданской интеграции может способствовать созданию обществ, в которых иммигранты будут иметь равные возможности с местным населением, внося весомый вклад в развитие общества.

Кейсы Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции не только демонстрируют «гражданский поворот» в политиках интеграции иммигрантов, но и свидетельствуют об их конвергенции, что обусловлено введением все более схожих требований рестриктивного характера. Данные изменения могут послужить основой для формирования устойчивых — как в экономическом, так и в политическом плане — обществ, в которых гармонично сосуществуют различные культуры и обеспечивается социальная стабильность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Esping-Andersen G. *Social foundations of postindustrial economies*. New York: Oxford University Press; 1999.
2. Grillo RD, Danes and Others. In: Olwig KF, Pærregaard K. (eds). *The Question of Integration: Immigration, Exclusion and the Danish Welfare State*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing; 2011. p.266–276.
3. Bosswick W, Heckmann F. Social integration of immigrants: contribution of local and regional authorities. *European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions*. 2006. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2007/integration-migrants-contribution-local-and-regional-authorities> (accessed: 07.10.2024).
4. Ryazantsev SV. *Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya, regulirovanie* [Labour migration in the CIS and Baltic states: Trends, consequences, regulation]. Moscow: Formula prava; 2007. (In Russ.).
Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М. : Формула права, 2007. 576 с.
5. Varshaver EA. *Dvadsat' uspekhnykh praktik integratsii migrantov* [Twenty Successful Practices for Migrant Integration]. Moscow: Moscow Institute for Social and Cultural Programmes; 2014. (In Russ.).

- Варшавер Е.А. Двадцать успешных практик интеграции мигрантов. М. : Московский институт социально-культурных программ, 2014. 60 с.
6. Garcés-Mascreñas B, Penninx R. Introduction: integration as a three-way process approach? In: Garcés-Mascreñas B, Penninx R. (eds). *Integration Processes and Policies in Europe: Contexts, Levels and Actors*. Cham: Springer; 2016. p.1–9. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-21674-4>
 7. Dikici E. Integration as a three-way process and negotiation. In: Dikici E. (ed). *Transnational Islam and the Integration of Turks in Great Britain*. Cham: Palgrave Macmillan; 2021. p.113–138. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-74006-1>
 8. Bauböck R. *Migration and citizenship: legal status, rights and political participation*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2006. 129 p.
 9. Schinkel W. Against ‘immigrant integration’: For an end to neocolonial knowledge production. *Comparative Migration Studies*. 2018;1(6):1–17. <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0095-1>
 10. Gordon MM. *Assimilation in American life: The role of race, religion, and national origins*. New York: Oxford University Press; 1964.
 11. Ziyank S. Critically assessing classic assimilation theory and alternative perspectives for immigrants and the second generation in the United States. *Race, Gender & Class*. 2015;22 (1–2):143–149.
 12. Alba RD, Nee V. *Remaking the American mainstream: Assimilation and the new immigration*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2003.
 13. Volkov YuG, Kurbatov VI. The concept of multiple identity: different research approaches. *Sociology*. 2022;(5):202–212. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-5-202-212>
Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Концепт множественной идентичности: разные исследовательские подходы // Социология. 2022. № 5. С. 202–212. <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-5-202-212>
 14. Modood T. *Multiculturalism*. 2nd ed. Cambridge: Polity Press; 2013. <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosml129.pub2>
 15. Bloemraad I. *Becoming a citizen: Incorporating immigrants and refugees in the United States and Canada*. Berkeley, CA: University of California Press; 2006.
 16. Ivanov VG. Limitations of diversity: implications for civil society and political stability. In: Hogan P, George VA, Toralba TC. (eds). *Building Community in a Mobile/Global Age: Migration and Hospitality*. Washington, DC: The Council for Research in Values and Philosophy, 2013. p.147–152.
 17. Butenko VA. “The civic turn” in the policy of integration of immigrants in Sweden. *PolitBook*. 2020;(1):129–146. (In Russ.).
Бутенко В.А. «Гражданский поворот» в политике интеграции иммигрантов в Швеции // PolitBook. 2020. № 1. С. 129–146.
 18. van Liempt I, Nijenhuis G. Socio-economic participation of Somali refugees in the Netherlands, transnational networks and boundary spanning. *Social Inclusion*. 2020;8(1):264–274. <https://doi.org/10.17645/si.v8i1.2434>
 19. Geddes A, Hadj Abdou L, Brumat L. *Migration and Mobility in the European Union*. 2nd ed. London: Red Global Press; 2020.
 20. Hudson C, Sandberg L, Sundström K. Integrating the immigrant the Swedish way? Understandings of citizenship and integration in Swedish local civic integration projects. *Journal of Intercultural Studies*. 2023;44(4):553–569. <https://doi.org/10.1080/07256868.2022.2107624>
 21. Tsapenko IP. For fresh approaches to the socio-cultural integration of migrants. *Demographic Review*. 2018;5(4):125–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8665>
Цапенко И.П. Поиски новых подходов к социокультурной интеграции мигрантов // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 4. С. 125–149. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8665>
 22. Bertossi C, Duyvendak J. National Models of Immigrant Integration: The Costs for Comparative Research. *Comparative European Politics*. 2012;(10):237–247. <https://doi.org/10.1057/cep.2012.10>

23. Heckmann F. National modes of immigrant integration. In Bosswick W, Husband C (eds.). *Comparative European research in migration, diversity and identities*. Bilbao: University of Deusto; 2005:99–111.
24. Knill C. Introduction: Cross-national policy convergence: Concepts, approaches and explanatory factors. *Journal of European Public Policy*. 2005;12(5):764–774.
25. Jensen KK, Fernández C, Brochmann G. Nationhood and Scandinavian Naturalization Politics: Varieties of the civic turn. *Citizenship Studies*. 2017;21(5):606–624. <https://doi.org/10.1080/13621025.2017.1330399>
26. Midtbøen AH. Citizenship, integration and the quest for social cohesion: Nationality reform in the Scandinavian countries. *Comparative Migration Studies*. 2015;3(3):1–15. <https://doi.org/10.1007/s40878-015-0002-y>
27. Kapitsyn VM, Magomedov AK, Shaparov AE. Immigration policy and integration of migrants in the Kingdom of Denmark at the beginning of the XXI century. *Baltic Region*. 2022;14(2):98–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-7>
Капицын В.М., Магомедов А.К., Шапаров А.Е. Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Королевстве Дания в начале XXI века // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 2. С. 98–114. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-7>
28. Dís Skaptadóttir U, Innes P. Immigrant experiences of learning Icelandic and connecting with the speaking community. *Nordic Journal of Migration Research*. 2017;7(1):20–27. <https://doi.org/10.1515/njmr-2017-0001>
29. Midtbøen AH, Brochmann G, Erdal MB, Kruse M, Jensen KK, Bevelander P, Mouritsen P, Bech EC. Assessments of citizenship criteria: are immigrants more liberal? *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020;46(13):2625–2646. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1756762>
30. Thorhallsson B, Elínardóttir JS. The Nordic states: keeping cool at the top? In: Baldacchino G, Wivel A. (eds). *Handbook on the Politics of Small States*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2020. p.113–130. <https://doi.org/10.4337/9781788112932>
31. Haapajärvi L. On the importance of playing house: belonging work and the making of relational citizens in Finnish immigrant integration policies. *Politics & Policy*. 2021;49:842–865. <https://doi.org/10.1111/polp.12420>
32. Brochmann G, Midtbøen AH. Philosophies of integration? Elite views on citizenship policies in Scandinavia. *Ethnicities*. 2021;21(1):146–164. <https://doi.org/10.1177/1468796820950453>
33. Vink M, Tegunimataka A, Peters F, Bevelander P. Long-term heterogeneity in immigrant naturalization: the conditional relevance of civic integration and dual citizenship. *European Sociological Review*. 2021;37(5):751–765. <https://doi.org/10.1093/esr/jcaa068>

Информация об авторах:

Бутенко Владислав — кандидат политических наук, эксперт факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; доцент кафедры политических наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Россия, 125009, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1 (e-mail: vladislav_butenko@list.ru) (ORCID: 0000-0001-6400-3137) (SPIN-код: 4815-8598)

Чекмазов Алексей Игоревич — магистр зарубежного регионоведения (европейский регион), независимый исследователь, Россия, Москва (e-mail: chekmazov.ai@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-9486-0348) (SPIN-код: 7114-7487)

Information about the authors:

Vladyslav Butenko — PhD in Political Science, expert of the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitckaya Street, Moscow, Russian Federation, 101000; Associate Professor of the Department of Political Science, Moscow School of Social and Economic Sciences, 3–5 Gazetny Lane, bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 125009 (e-mail: vladislav_butenko@list.ru) (ORCID: 0000-0001-6400-3137) (SPIN-code: 4815-8598)

Aleksei Chekmazov — Master in European Studies, independent researcher, Moscow, Russian Federation (e-mail: chekmazov.ai@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-9486-0348) (SPIN-code: 7114-7487)